

СЕРИЯ
ДЕДУШКИ

Артур Моррисон
Сыщик Мартин Хьюитт

ARTHUR MORRISON

MARTIN HEWITT, INVESTIGATOR

1894

АРТУР МОРРИСОН

СЫЩИК МАРТИН ХЬЮИТТ

Издательство ИП Кузнецов Г.Е.

Тимашевск

2019

deductionseries.blogspot.ru

УДК 821.111
ББК 84 (4Вел)
М80

Серия «Дедукция»

Arthur Morrison

Martin Hewitt, Investigator

*Перевод с английского
Светланы Хачатурян*

Моррисон, Артур.

М80 Мартин Хьюитт, сыщик : [сборник] / А.Моррисон; Тимашевск, Издательство ИП Кузнецов Г.Е. – 2019. – 224 с. – (Дедукция)

Серию «Дедукция» мы продолжаем публикацией сборника рассказов «Мартин Хьюитт, сыщик», написанного одним из членов-основателей лондонского детектив-клуба.

УДК 821.111
ББК 84 (4Вел)

© Перевод. С.Хачатурян, 2017
© Оформление. А.Кузнецов, 2015

От редакции

Спасибо всем кто помог нам выпустить эту книжку. В нашей серии это уже тринадцатая книжка, а если считать только книги членов детективного клуба – четвертая. Мы хотим познакомить читателя с как можно большим числом писателей из этого коллектива, (но и про остальных детективщиков не забываем). И только лишь энтузиазма для этого мало, так что спасибо за поддержку.

Аудитория читателей электронных книг огромна, и мы рассчитываем, что среди них найдутся читатели, которым не жалко поддержать переводческое дело. Очевидно, что толпы читателей не кинутся нам на помощь, но миллионы нам и не нужны - чтобы подстегнуть нас хватит и нескольких десятков благодарных читателей, которые поддержат нас рублем (долларом, евро, да хоть японской иеной), а заодно и помогут определиться с тем, над какими проектами работать в первую очередь.

Если кто желает в этом поучаствовать — загляните в блог нашей серии deductionseries.blogspot.ru и нашу группу Вконтакте - vk.com/deductionseries

Содержание:

- Артур Моррисон. Кража в Лентон-Крофте (рассказ)
- Артур Моррисон. Исчезновение Сэмми Крокетта (рассказ)
- Артур Моррисон. Случай мистера Фогатта (рассказ)
- Артур Моррисон. Случай торпеды Диксона (рассказ)
- Артур Моррисон. Дело камня Квинтонов (рассказ)
- Артур Моррисон. Тайна камеи Стэнгуэя (рассказ)
- Артур Моррисон. Черепашье дело (рассказ)

Артур Моррисон

Тайна каменей Стенуэя

Прошло уже много лет с того дня, когда камея Стенуэя собрала вокруг себя много шума, и единственный человек, меньше всего желавший предавать реальные факты этого дела огласке, некоторое время назад умер, не оставив после себя ни родственников, ни каких-либо других представителей. Поэтому, думаю, никому не навредит, если подлинная история этого случая станет достоянием общественности. Наоборот, она лишь упрочит профессиональную репутацию Хьюитта, который, по предположениям многих, ничего не смог сделать, чтобы развеять эту тайну. В настоящее время знатоки древних предметов искусства часто задаются вопросом, увидит ли общество еще хоть когда-нибудь эту невероятную камею, так неожиданно обнаруженную и столь быстро украденную. Но теперь больше никому не придется задавать этот вопрос.

Эта камея, как можно узнать из многочисленных описаний и документов, опубликованных в то время, оценивалась экспертами как замечательно сохранившаяся. Это был трехслойный сардоникс – из тех редчайших агатовых камней, на которых художник смог полностью выразить себя в трех разных цветах камня: нижний слой – фон, а средний и верхний слои – рельефный рисунок. Это была настоящая гигантесса среди камней – целых семь с половиной дюймов. Сюжетом она походила на известную камею Гонзага, ныне принадлежащую российскому царю: мужская и женская головы с имперской символикой. Но только в этом случае она изображала Тиберия Клавдия и Мессалину. Эксперты склонялись к тому, что эта работа, вероятно, принадлежит Афиниону, известному резцу по драгоценным камням первого века нашей эры, чья самая знаменитая работа, дошедшая до наших дней, – небольшая камея с мифологическим сюжетом, в настоящее время хранящаяся в Ватикане.

Камея Стенуэя была обнаружена в малоизвестной итальянской деревушке одним из агентов-путешественников, едущих по всей Европе в поисках ценного антиквариата и предметов искусства. Этот человек немедленно приехал в Лондон со своей находкой и продал ее мистеру Клариджу с улицы Сент-Джеймс – знаменитому коллекционеру и знатоку ценных вещей. Мистер Кларидж, разглядев важность и ценность находки, не упустил возможности рассказать о ней всем, и очень скоро камея Клавдия (как ее сначала называли) стала знаменита на весь мир не меньше любой другой древней драгоценности. Камею исследовали многие эксперты древнего искусства, и за ее покупку предлагались огромные деньги.

В конце концов украшение выкупил маркиз Стенуэй за пять тысяч долларов с целью выставить его в Британском Музее. Маркиз несколько дней подержал камею у себя дома, показывая ее друзьям, а затем вернул мистеру Клариджу, чтобы ее привели в порядок и выставили в качестве экспоната государственной коллекции. Через два дня кто-то ворвался к мистеру Клариджу в мастерскую и украл камею.

В общих чертах такова печально известная история каменей Стенуэя. Более детальные обстоятельства кражи были следующими: мистер Кларидж был последним, кто покинул мастерскую в тот вечер. Было около восьми часов, уже смеркалось, и он, как обычно, запер за собой боковую дверь. Его помощник, мистер Катлер, ушел часом ранее. После ухода мистера Клариджа все было в порядке, и полицейский на дежурстве прямо напротив мастерской, пожелавший мистеру Клариджу доброго вечера, не заметил ничего подозрительного за все время своего караула. Не заметили ничего так же и его сменщики, по очереди дежурившие всю ночь.

Однако утром помощник мистера Катлер, прибывший на работу первым (около девяти утра), сразу же заметил, что произошло что-то непредвиденное. Дверь, от которой у него имелся ключ, все еще была заперта, но вот пространство за магазинной стойкой явно носило следы

проникновения: все вещи на личном столе мистера Клариджа были разбросаны и в беспорядке перемешаны, а дверь, выходящая на лестницу – выбита. Поднявшись по ступенькам, мистер Катлер обнаружил еще одну открытую дверь, ведущую в небольшую комнату. Эта дверь была открыта простым выкручиванием замка, находившегося с внутренней стороны. В потолке этой комнаты был люк, приоткрытый на семь-восемь дюймов с вырванной щеколдой. Очевидно, это и был путь вора или воров. Кто-то вошел через люк в крыше, открыл еще две двери и обшарил стол. Позднее мистер Катлер объяснил, что в тот момент у него не было точной мысли о том, что именно могли украсть, и что он не знал, где мистер Кларидж оставил камею предыдущим вечером, так как наводил порядок уже после ухода помощника.

Однако уже к десяти часам, когда прибыл мистер Кларидж, не оставалось никаких сомнений, что камья пропала. Владелец магазина, до глубины души потрясенный потерей, потерял способность строить связные предложения и все продолжал проклинать собственную рассеянность, позволившую ему оставить такую ценность в своём рабочем столе, а также свою усталость предыдущим вечером, которая затуманила его рассудок и не дала спрятать камею более надёжно.

Естественно, на место моментально прибыла полиция и провела все возможные расследования, а мистер Кларидж выставил объявление о награждении в пять сотен фунтов за находку украшения. Новость моментально разлетелась по всем утренним газетам, и уже к полудню всему миру было известно о необычайной краже камеи Стенуэя. Люди активно обсуждали варианты развязки этого дела, в действительности очень смутно себе представляя, что такое есть на самом деле сардониксовая камья.

Ближе к вечеру того же дня к Мартину Хьюитту пришёл лорд Стенуэй. Маркиз был высоким, хорошо сложенным и очень активным мужчиной, известным членом научных обществ и великим патроном искусства. Он буквально вбежал в приемную Хьюитта, и как только детектив предложил ему присесть, тут же перешёл к сути дела.

– Возможно, вы уже догадались, по какой причине я здесь, мистер Хьюитт, – вы же читали сегодняшние газеты? Так я и думал. Тогда не буду пересказывать то, что вы и так знаете. Моя камья пропала, и мне скорейшим образом надо ее вернуть. Конечно, полиция усиленно трудится у Клариджа, но мне этого не достаточно. Я сам провёл там сегодня несколько часов и не могу сказать, что им известно обо всем этом больше, чем мне. Полиция, естественно и весьма правильно (с их точки зрения), концентрируется в первую очередь на поимке преступника, отбрасывая поиск камеи на второй план. Но с *моей* точки зрения, главное в этом деле – отыскать свою собственность. Конечно я хочу, чтобы вора поймали, если это возможно, и чтобы он понёс заслуженное наказание. Но все же самое главное здесь – камья.

– Это, бесспорно, значительная потеря. Пять тысяч фунтов...

– О, вы меня неправильно поняли! Я жалею совсем не о потраченных деньгах. На самом деле, мне уже возместили ее стоимость. Кларидж поступил очень благородно, – даже больше, чем благородно. Вообще, узнал я об этой пропаже по пришедшему мне от него днём чеку на пять тысяч фунтов, к которому было приложено письмо со словами о том, что полное возмещение стоимости этой драгоценности – самое малое, что он может сделать, чтобы загладить свою «непростительную рассеянность». По закону, я не уверен, что могу что-то от него требовать, пока не докажу, что в действительности имело место вопиющее пренебрежение какой-либо защитой от кражи.

– Лорд Стенуэй, я правильно понимаю, – сказал Хьюитт, – что сама камья для вас намного важнее денег?

– Естественно. Иначе я бы ни за что не пожелал тратиться на нее. Цену на нее повесили колоссальную – возможно в несколько раз превышающую среднюю стоимость по рынку (даже для подобных ценностей), – но мне особенно хотелось, чтобы камья не покинула пределы нашей страны. Наши публичные коллекции не столь богаты на подобные экспонаты, как следовало бы. В общем, я очень рассчитывал на эту камею, так что отбросил все сомнения и закрыл глаза на лишнюю тысячу фунтов, прибавленную к ее цене. Так что теперь вы видите, что мне нужно не возмещение ее стоимости, – мне нужна она сама. На самом деле я сомневаюсь, что имею право забрать себе деньги, которые прислал Кларидж, ведь это происшествие в большей степени его

несчастье, чем вина. Но пока я никому не скажу о том, что решил вернуть эту сумму. Пусть не расслабляются и лучше ищут.

– Именно. И правильно ли я понимаю, что вы хотите, чтобы я взялся за это дело как ваш представитель?

– Точно. Я хочу, если это возможно, чтобы вы расследовали это дело так, как вижу его я: ваша единственная цель – отыскать камю. Конечно, если у вас попутно получится вычислить и вора, будет еще лучше. В конце концов, может же быть такое, что искать одно из двух, значит искать и второе тоже?

– Не всегда. Но обычно, конечно, так оно и есть. Даже если они сейчас далеко друг от друга, они определенно когда-то *были* вместе, так что найти одно – это огромный шаг на пути к находке другого. Итак, для начала, есть ли у вас подозреваемые?

– Ну, полиция отвечает довольно скупно, но я думаю, что им просто нечего сказать. Кларидж не берётся никого подозревать, но думает, что кем бы ни был вор, он определенно наблюдал за ним весь прошлый вечер через заднее окно и точно видел, как Кларидж перед уходом спрятал камю в своём столе, потому что, по всей видимости, грабитель знал куда шёл. Но что-то мне подсказывает, что он склоняется подозревать одного из двух человек. Вы же понимаете, что такое ограбление в корне отличается от других. Никто бы не стал красть камю, чтобы продать, – уж слишком знаменитая это вещь. С таким же успехом кто-то может расхаживать по городу и предлагать купить лондонский Тауэр. Пересчитать тех, кто покупает подобные ценности можно по пальцам, и всем известны их имена. Никакой дилер к этой камее не притронулся бы. Не то что продать, – он даже показать бы ее никому не смог безнаказанно. Так что, вероятнее всего, кражу совершил человек, страстно желающий обладать этой вещицей из чистой любви – какой-нибудь коллекционер, готовый спрятать ее от всего мира и никому не рассказывать о своей прелести, всю жизнь живя с осознанием того, что об этой краже станет известно после его кончины. Если, конечно, ее не прихватил какой-то дурачок, не осознающий всей ценности камее.

– Не похоже, – ответил Хьюитт. – Обычный вор, не осознающий ценности, не стал бы сразу идти за камеей, когда вокруг все уставлено другими вещами (для неопытного глаза очень даже стоящими).

– Справедливо. Но полиция склоняется к тому, что ограбление совершил обычный преступник – ну, знаете, следы на двери и полу и все прочее.

– Хорошо, а кто те двое, которые, по вашему мнению, попадают под подозрение мистера Клариджа?

– Конечно, я не могу утверждать, что он их подозревает, – мне так лишь показалось, по тону его голоса. Сам мистер Кларидж настаивает, что, по справедливости, не может никого подозревать. Один из этих двоих – Хан – путешествующий искатель ценностей, продавший мистеру Клариджу эту камю. Репутация этого человека не так уж безупречна: ни один дилер до конца ему не доверяет. Конечно, Кларидж не сказал, сколько заплатил ему за камю. Ох уж эти дилеры – всегда так скрытны, когда речь заходит об их доходах, которые, думается мне, исчисляются не менее, чем пятьюстами процентами сверх реальной стоимости вещей. Но, видимо, Хан выторговал себе цену повыше, судя по тому, какую сумму загнул Кларидж при продаже камее. Хан должен был появиться на сегодняшней встрече, чтобы забрать свои деньги, но так и не пришёл, и, кажется, никому точно не известно, где он сейчас вообще находится.

– Понятно. А кто второй?

– Ну, мне бы не очень хотелось вообще упоминать его имя в подобном контексте, потому что это сущий джентльмен, по моему мнению, не способный совершить что-либо хоть в какой-то степени постыдное. Правда, говорят, что у коллекционеров нет совести, а мистер Уоллет, вне всяких сомнений, самый ревностный коллекционер из всех ныне живущих. Он занимает комнаты на улице прямо за углом магазина Клариджа – при желании, он может заглянуть к Клариджу в задние окна. Уоллет несколько раз заходил посмотреть на камю до того, как я ее приобрёл, – видимо, действительно очень хотел забрать ее себе. После того, как я совершил покупку, он пару раз бросил несколько колких замечаний о том, что люди «вроде меня» портят рынок, отваливая такие экстравагантные суммы, а потом «с треском» теряют купленное.

Лорд Стенуэй ненадолго задумался, а затем продолжил:

– Не уверен, что с моей стороны правильно вообще упоминать мистера Уоллета в этой связи. Лично я абсолютно уверен, что он настолько же не способен на кражу, как и я сам. Так что я просто рассказываю вам все, что мне известно.

– Именно. В подобном деле никакая информация не может быть лишней. Никому не станет хуже, если я буду знать все о пятидесяти невинных людях, и это защитит меня от риска ничего не знать о настоящем воре. Итак, вы сказали, комнаты мистера Уоллета находятся рядом с магазином мистера Клариджа? Крыши этих двух зданий как-то связаны?

– Да, мне сказали, что по крышам довольно несложно добраться до обоих помещений.

– Замечательно! Теперь, лорд Стенуэй, если вам к настоящему моменту больше нечего мне рассказать, я бы хотел сейчас же отправиться и осмотреть то место.

– Конечно, все что угодно. Думаю, я поеду с вами. Мне не хочется сидеть сложа руки, хотя, думаю, здесь я вам не помощник. И да, кажется, я все рассказал.

– Теперь что касается помощника мистера Клариджа: вам что-нибудь о нем известно?

– Только то, что он всегда держался как адекватный и достойный человек. Даже можно сказать честный, иначе Кларидж не стал бы его держать при себе столько лет, – ведь при нем всегда столько ценных вещей. К тому же, у него есть собственные ключи от магазина, и даже если предположить, что вор именно он, то ему бы никак не понадобилось лезть через крышу для совершения этого преступления.

– Получается, – сказал Хьюитт, – что, кроме вас, напрямую с камеей связаны следующие люди: Мистер Кларидж, дилер; мистер Катлер, помощник мистера Клариджа; Хан, продавший камеею Клариджу и мистер Уоллет, который о ней страстно мечтает. Это все?

– Все, что мне известно. Думаю, что и другие джентльмены о ней мечтают, но я их не знаю.

– Теперь обо всех этих людях по порядку. Личность мистера Клариджа даже не обсуждается, – с такой репутацией на кону, даже если бы он не отправил вам сразу эти пять тысяч фунтов – цена, как я понимаю, намного выше рыночной. Его помощник – уважаемый человек, против которого ничего сказать нельзя, и который ни за что не стал бы вламываться и грабить, прекрасно разбираясь в этом бизнесе и понимая, что эту вещь он просто так, без последствий, никогда продать не сможет. Хан – человек с тёмным прошлым, возможно достаточно умён, чтобы распорядиться такой добычей, – если ей, конечно, вообще можно распорядиться. К тому же Хан не явился сегодня к Клариджу, хотя у них была назначена встреча. И, наконец, мистер Уоллет – джентльмен с самой лучшей репутацией, но неисправимый коллекционер, который прилагал все усилия, чтобы воспрепятствовать вам в покупке камее. К тому же, из своих окон он легко мог наблюдать за работой мистера Клариджа, а затем перебраться на крышу дилера. Если ни один из них не подойдёт, придётся смотреть туда, куда укажут обстоятельства.

Когда Хьюитт с лордом приехали, в магазине мистера Клариджа разбушевалась неприятная суета. Это было скучное старое строение, в окнах которого не виднелось ничего богаче пары странных голубых китайских ваз, нескольких старых серебряных пряжек или любопытного маленького кинжала. Девять из десяти человек прошли бы мимо, даже не взглянув, причём десятый из них обратил бы внимание только потому, что знал бы, что это за место, и какие интересные предметы искусства проходили через него.

В тот день несколько зевак, прослышавших об ограблении, с интересом вглядывались во все, что можно было рассмотреть сквозь решётки на окнах. А внутри мистер Кларидж – бодрый маленький старичок – вел оживленную беседу с тучным полицейским-инспектором в форме. В это время мистер Катлер, решивший примерить на себя роль детектива, упорно ползал по полу среди старого фарфора и поломанного оружия, тщетно надеясь отыскать хоть какую-нибудь зацепку, которую мог оставить вор.

Мистер Кларидж с нетерпением вышел к нам навстречу.

– Рад вам сообщить, лорд Стенуэй, что с момента вашего отъезда нам удалось найти кожаную шкатулку.

– Конечно, пустую?

– К несчастью, да. Скорее всего, вор просто решил ее бросить за дымовую трубу на крыше, когда убежал, потому что полиция обнаружила коробку именно там. Но это, конечно же, зацепка.

– В таком случае, пусть этот джентльмен выскажет свое мнение на этот счет, – сказал лорд Стенуэй, поворачиваясь к Хьюитту. – Это, мистер Кларидж, – мистер Мартин Хьюитт, любезно

согласившийся приехать со мной сюда по первой же просьбе. С полицией с одной стороны и мистером Хьюиттом с другой мы определенно отыщем камень, если это вообще возможно.

Мистер Кларидж внимательно посмотрел на Хьюитта через очки и кивнул.

– Я очень рад, что мистер Хьюитт здесь, – сказал он. – В самом деле я уже решил отпустить полицию до завтра, а там, если бы они ничего не смогли найти, сам обратился бы к мистеру Хьюитту.

Хьюитт кивнул в ответ, а затем спросил:

– Позвольте взглянуть на повреждения? Надеюсь, что вы ничего не перемещали.

– Ни к чему даже не прикасались. Работайте так, как считаете нужным. Не стоит и говорить, что все, находящееся здесь, в вашем полном распоряжении. Обо всех последствиях вам, наверное, уже известно?

– В общих чертах да. Полагаю, я не ошибусь, если скажу, что в этом доме не проживает никакой ключник?

– Нет, – ответил Кларидж, – я его у себя не держу. Был у меня один, так он то и дело закладывал мои вещи по вечерам, а второй вообще постоянно бил самый ценный китайский фарфор, и ни с одним из них я не мог со спокойной душой жить, пока они не были под присмотром. Так что я решил больше никаких ключников не нанимать. Я не очень боялся идти на этот шаг, потому что прямо напротив постоянно дежурит полицейский.

– Могу я взглянуть на взломанный стол?

Мистер Кларидж проводил детектива за стойку. Это был самый настоящий рабочий стол с приподнятым верхом и на замке. Верхняя часть стола была грубо выломана каким-то инструментом, втиснутым снизу и использованным в качестве рычага, так что задвижка была вырвана с корнем. Хьюитт осмотрел поврежденные части и отметины от самодельного рычага, а затем выглянул в заднее окно.

– Тут несколько окон, – заметил он, – через которые можно запросто наблюдать за всем происходящим в помещении. Знаете ли вы кого-нибудь, кто живет там?

– Пара-тройка человек мне знакомы, – ответил мистер Кларидж, – но есть еще два окна – вон та пара, что практически перед нами, – которые относятся к офису, сдаваемому в аренду. Любой человек может зайти туда и понаблюдать за нами.

– А крыши над какими-либо из этих окон каким-то образом соединяются с вашей?

– Ни одна из тех, что прямо напротив. Вон те, что левее, да. Вдоль труб можно относительно легко сюда добраться.

– И чьи же это окна?

Мистер Кларидж засомневался.

– Ну, – сказал он, – они принадлежат мистеру Уоллету, одному из моих любимых клиентов. Но он настоящий джентльмен, и – ну... Я уверен, что подозревать его – полный абсурд.

– В подобных делах, – ответил Хьюитт, – на самое невозможное надо обращать больше всего внимания. Кто-то – мистер ли Уоллет или кто-то другой – мог наблюдать за этим помещением из тех окон и так же мог добраться сюда через вон то окно. Так что мистера Уоллета сбрасывать со счетов нельзя. А к кому-нибудь из ваших соседей никто этой ночью не вламывался? Я хочу сказать, что незнакомцы, жаждавшие добраться до вашего люка, скорее всего, сначала должны были проникнуть в какой-нибудь другой дом поблизости, чтобы добраться до вашей крыши.

– Нет, – ответил мистер Кларидж, – ничего подобного не происходило. Это была первая вещь, которую проверила полиция.

Хьюитт осмотрел сломанную дверь, а затем поднялся наверх вместе с остальными. На осмотр выкорчеванного замка в люке много времени не понадобилось. В комнате прямо под люком стоял пыльный стол, на котором стоял стул, а по другую сторону этого стола сидел детектив-инспектор Пламмер, с которым Хьюитт был очень хорошо знаком, и который поздоровался с Мартином, а затем продолжил заполнять бумажки.

– Я правильно понимаю, что стул и стол стоят в том виде, в каком они были обнаружены? – спросил Хьюитт.

– Да, – ответил мистер Кларидж, – воры, видимо, проникли сюда как раз через люк и, чтобы выбраться обратно, им понадобилось соорудить вот это.

Хьюитт выбрался через люк на крышу, чтобы осмотреть все сверху. Дверца висела на длинных амбарных шарнирах и была взломана аналогично рабочему столу на нижнем этаже. Фомку поместили между рамой и дверцей близко к засову и с корнем вырвали замок.

Закончив с протоколом, инспектор Пламмер вскарабкался на крышу к Хьюитту, и они вдвоем прошли к месту, где была найдена кожаная шкатулка. Пламмер извлек из кармана пальто находку и передал ее на изучение второму детективу.

– Не вижу ничего особенного, – сказал Хьюитт. – А вы?

– По крайней мере она показывает, в какую сторону они ушли.

– Ну, да, – ответил Хьюитт, – если мы пройдем по этому пути, то окажемся на крыше мистера Уоллета и у его люка, не так ли!

Инспектор поджал губы, улыбнулся и пожал плечами.

– Ну, времени мы даром не теряли и уже это выяснили, – сказал он.

– Конечно. И, как вы говорите, я не думаю, что эта шкатулка нам очень полезна. Она почти новая, и на ней ни царапины.

С этими словами Хьюитт вернул коробочку инспектору.

– Итак, – сказал Пламмер, положив шкатулку обратно в карман, – ваше мнение?

– Весьма непростой случай.

– Да, это так. Только между нами: у меня тут за всем очень внимательно следят, – Пламмер кивнул в сторону комнат мистера Уоллета, – потому что это не обычное ограбление. Есть только два возможных мотива: продажа камеи или присвоение ее себе. Как вы и сами знаете, возможность продажи исключена: кто приобретёт драгоценность, тот сразу же сдаст вора. Никто и ни за что не захочет держать у себя эту вещь. Так что, вероятнее всего, камеею украл какой-нибудь сумасшедший коллекционер, – и инспектор снова кивнул в сторону комнат мистера Уоллета. – Сопоставьте это с другими обстоятельствами, – добавил он, – и, уверен, вы согласитесь, что в этом направлении можно смело копать. Конечно, все остальное – выламывание замка и прочее – выглядит как обычное ограбление, но вполне возможно, что человек, страстно желавший эту камеею, мог просто нанять кого-то для грязной работы.

– Да, такое возможно.

– Вам что-нибудь известно об этом агенте Хане? – после недолгой паузы спросил Пламмер.

– Нет. Вы его еще не нашли?

– Нет, но я как раз сейчас этим занимаюсь. Я выяснил, что он был на Чаринг-Кросс пару дней назад, покупал билет на Континент. Это и тот факт, что он не объявился сегодня, подтверждают, что и *его* из виду терять не стоит, пока есть такая возможность. Он не из тех людей, которые отказываются от шанса потратить немного денег.

Детективы вернулись в дом.

– Итак, – сказал лорд Стенуэй, – каковы результаты консультации? Мы здесь очень терпеливо ждали, пока вы, двое умных людей, обсуждали все это дело на крыше.

На стене прямо под люком висела очень пыльная старая высокая шляпа. Хьюитт снял ее с крючка, внимательно осмотрел и ощупал подкладку. – Это одна из ваших ценных антикварных вещей? – спросил он с улыбкой, обращаясь к мистеру Клариджу.

– Это всего лишь старая шляпа, которую я держу тут на случай плохой погоды, – ответил мистер Кларидж, очень удивившись подобному вопросу. – Я не прикасался к ней больше года.

– О, значит ее оставил не ваш непрошенный гость прошлой ночью, – сказал Хьюитт, вешая шляпу на место. – Вчера вы ушли отсюда в восемь вечера?

– Ровно в восемь.

– Именно. Я бы еще взглянул на комнату, что находится напротив на лестничной клетке, если вы не против.

– Конечно, если желаете, – ответил Кларидж, – но только туда воры не заходили, – там все так же, как и было оставлено. Это просто кладовка для всякого хлама, – закончил он, открывая дверь.

На полу комнаты действительно был разбросан всякий мусор вперемежку со сломанными шкатулками и подобными вещами. Хьюитт поднял крышку одной из самых новых на вид коробочек и отыскал на ней бирку с адресом. Затем он повернулся к старой и ржавой железной коробке у стены. – Я хотел бы посмотреть, что за ней, – сказал он, пытаясь сдвинуть коробку с места. – Она тяжелая и грязная. Есть в доме какой-нибудь лом или что-то похожее?

Мистер Кларидж покачал головой.

– Таких вещей не держим, – сказал он.

– Забудьте, – ответил Хьюитт, – в другой раз подвинем, но думаю, что в этом уже нет большого смысла. Сейчас я, пожалуй, наведаюсь в полицейский участок, чтобы побеседовать с констеблями, дежурившими в ночь ограбления. Лорд Стенуэй, думаю, я увидел здесь все, что хотел.

– Полагаю, – спросил мистера Кларидж, – еще слишком рано спрашивать о том, сформулировали ли вы уже какую-нибудь теорию?

– Ну, да, пока рановато, – ответил Хьюитт. – Возможно, мне удастся вас удивить буквально через пару часов. Но ничего не могу обещать. Кстати, – внезапно добавил он, – вы уверены, что люк этой ночью был заперт?

– Конечно, – с улыбкой ответил мистер Кларидж. – Иначе как бы выломали замок? На самом деле, по-моему, этот люк никто не трогал уже несколько месяцев. Мистер Катлер, а вы помните, когда мы в последний раз открывали люк?

Мистер Катлер покачал головой.

– Не менее шести месяцев назад, – сказал он.

– О, прекрасно. Но это не очень важно, – ответил Хьюитт.

Как только все спустились, во входную дверь магазина влетел краснолицый старый джентльмен, споткнулся о подставку для зонтов, стоявшую в темном углу, и пнул ее от себя на ярда на три.

– Какого черта вы имеете в виду, – рявкнул он на мистера Клариджа, – присылая полицейских шнырять по моим комнатам и задавать вопросы моей прислуге? Что вы хотите этим сказать, сэр? Обращаетесь со мной, как с вором? Джентльмен уже не может спокойно прийти в это место, чтобы посмотреть на вещь, и не стать при этом объектом для подозрений в ее краже, когда она исчезает по вине вашей проклятой рассеянности? Я обязательно обращусь к своему адвокату, сэр, и узнаю, какого рода защиту я могу получить в подобном случае. И если я еще раз увижу одного из ваших шпионов на своей лестнице или на крыше, я.. я.. я пристрелю его!

– О, мистер Уоллет, – начал было смущенный мистер Кларидж, но злой старик и слышать ничего не хотел.

– Не нужно со мной говорить, сэр. Будете разговаривать с моим адвокатом. И правильно ли я понимаю, лорд, – продолжил он, обращаясь к лорду Стенуэю, – что все это безобразие происходит с вашего позволения?

– Все, что делается, – ответил лорд Стенуэй, – делается полицией под их собственной ответственностью и совершенно без каких-либо побуждений со стороны мистера Клариджа, а уж тем более – с моей. Лично мое мнение (которое, уверен, полностью совпадает с мнением мистера Клариджа) состоит в том, что подозревать вас в какой-либо причастности к этому ничтожному делу по меньшей мере нелепо. И если вы спокойно рассудите...

– Спокойно рассужу? Поставьте себя на мое место, лорд Стенуэй. *Я не собираюсь* спокойно рассуждать. Нет, нет и еще раз нет. Еще хоть раз увижу кого-то на своей крыше, и ему конец! – С этими словами мистер Уоллет стрелой вылетел из магазина.

– Мистер Уоллет недоволен, – с улыбкой заметил Хьюитт. – Думаю, что у Пламмера есть неуклюжий помощник.

Мистер Кларидж ничего не ответил, но выглядел угрюмо, потому что мистер Уоллет был его любимым покупателем.

Лорд Стенуэй с Хьюиттом неспешно шагали по улице, и детектив упорно смотрел в ноги, погрузившись в мысли. Пару раз лорд поглядывал на своего компаньона, но не решался его тревожить. Однако через некоторое время он все же заговорил:

– По крайней мере, мистер Хьюитт, вы заметили что-то, что навело вас на мысль. Это что-то похоже на улику?

Хьюитт моментально вынырнул из раздумий.

– Улику? – повторил он. – Да это дело кишит уликами. Меня удивляет лишь то, что обычно сообразительный Пламмер не видит ни одной из них. Боюсь, он не в духе. Но это дело определенно незаурядное.

– В каком именно смысле незаурядное?

– С точки зрения мотива. Может показаться, как мне только что на крыше сообщил Пламмер, что для подобного ограбления может существовать только два мотива. Либо человек, взявший на себя риск ворваться к Клариджу, очень хотел продать камео по хорошей цене, либо страстно желал ей обладать, как ценитель подобных вещей. Но на самом деле ни одна из этих причин не является мотивом преступления.

– Возможно, грабитель думает, что может заработать на выкупе?

– Нет. И это не зависть и не злоба и ничего в этом духе. *Думаю*, мне известен мотив, – но для начала нужно поймать Хана. Мне нужно побыть одному примерно полчаса, чтобы расставить все в голове по полочкам.

– И все же, помимо ваших профессиональных тонкостей, – которые, признаюсь, я постичь не в силах, – я бы хотел узнать, сможете ли вы вернуть камео?

– Вот этого, – сказал Хьюитт, остановившись на углу улицы, – боюсь, я сделать не в состоянии, – как и никто другой. Но я уверен, что вычислил вора.

– Тогда это определенно выведет нас на камео?

– *Может быть*. Но так же возможно, что к вечеру вам не захочется ее возвращать.

Лорд Стенуэй посмотрел на детектива с изумлением.

– Не захочется возвращать! – воскликнул он. – О нет, конечно я захочу ее вернуть. Совершенно вас не понимаю.. вы говорите загадками. Кто же тот вор, о котором вы говорите?

– *Думаю*, лорд Стенуэй, – сказал Хьюитт, – что во избежание ошибок, мне лучше никому ничего не рассказывать до тех пор, пока я не завершу всех своих планов. Это весьма необычный случай, и совершенно иного рода, чем можно поначалу подумать, так что мне нужно все очень хорошо проработать, чтобы не допустить роковую ошибку. Однако я не очень боюсь ошибиться и надеюсь, что через несколько часов я буду ждать вас с новостями на площади Пикадилли. Мне нужно только поговорить с полицейскими.

– Конечно, приходите когда вам будет угодно. Но почему полицейские? Они же уже уверенно заявили, что не видели ничего подозрительного ни в доме, ни рядом с ним.

– А я и не стану спрашивать у них ничего о доме, – ответил Хьюитт. – Мы просто побеседуем – о погоде.

И, кивнув на прощанье с улыбкой, детектив удалился, оставляя позади сбитого с толку лорда Стенуэя. А маркиз стоял и смотрел вслед, смутно в душе ощущая, что этот особенный детектив делает из него дурака.

* * * * *

Через пару часов Хьюитт уже снова был в магазине у мистера Клариджа.

– Мистер Кларидж, – сказал он, – мне нужно задать вам несколько вопросов лично. Можем ли мы пройти в ваш кабинет?

И мужчины тут же отправились туда, придвинули кресло к окну, и Хьюитт сел спиной к свету. Дилер закрыл дверь и сел напротив, ослеплённый солнцем.

– Мистер Кларидж, – медленно произнёс Хьюитт, – *когда вы впервые обнаружили, что камео лорда Стенуэя – подделка?*

Кларидж буквально подпрыгнул на месте. Лицо его побелело, как простыня, и, запинаясь, он выдал из себя слова:

– Что... что... что вы имеете в виду? Подделка? Хотите сказать, что я торгую подделками? Подделка? Это была не подделка!

– Тогда, – продолжил Хьюитт тем же уверенным голосом, смотря допрашиваемому прямо в глаза, – если бы это была не подделка, *зачем стали бы вы ее уничтожать и ломать свои люк и стол, чтобы симитировать ограбление?*

Пот градом катился по лицу мистера Клариджа, мужчина начал задыхаться. Но он изо всех сил старался держать себя в руках и, наконец, хрипло произнёс:

– Уничтожать? Что... да как... да я не... Ничего я не уничтожал!

– Ну выбросили в реку, – все это нюансы.

– Нет, нет! Это ложь! Кто вам такое сказал? Убирайтесь! Вы меня оскорбляете!

Кларидж уже почти кричал.

– Ну, ну, мистер Кларидж, – мягко сказал Хьюитт, – не нервничайте вы так и не пытайтесь меня обмануть, у вас все равно ничего не выйдет. Мне известен каждый ваш шаг после ухода отсюда вчерашним вечером – каждый.

Кларидж отчаянно жестикулировал. Пару раз он было хотел что-то возразить, но не осмеливался, и в конце концов сдался.

– Не разоблачайте меня, мистер Хьюитт! – взмолился он. – Прошу, не разоблачайте! Я не причинил вреда никому, кроме самого себя. Я вернул лорду Стенуэю все до последнего пенни. Я честно не знал, что это подделка, пока не начал ее чистить. Я старый человек, мистер Хьюитт, и до последних событий моя репутация была безупречна. Прошу, не выдавайте меня.

Хьюитт смягчился.

– Не волнуйтесь почему зря, – сказал он. – Вижу, у вас на полке графин, – давайте я вам налью немного бренди с водой. Ну же, в этом нет ничего криминального. Человек вполне имеет право выламывать свои собственные замки, когда ему угодно. Конечно, в этом деле я выступаю на стороне лорда Стенуэя и должен сообщить ему все, как есть. Но лорд Стенуэй – настоящий джентльмен и, смею предполагать, не станет предпринимать никаких опрометчивых решений, если вы будете с ним откровенны. Давайте с вами обговорим это дело. Расскажите мне все.

– Эта свинья Хан обманул меня с самого начала, – сказал Кларидж. – Я никогда до этого не ошибался в камнях и даже не думал, что бывают настолько искусные подделки. Я очень внимательно ее изучил и был полностью удовлетворён каждой деталью, а после меня ее оценивали ещё многие эксперты, но и они попались на эту удочку. Я был уверен, что купил одну из лучших, если не самую лучшую из всех существующих ныне камней. И это убеждение теплилось в моей груди до самого позавчерашнего вечера, когда лорд Стенуэй отдал мне ее на чистку. В процессе работы я увидел, что это не более, чем очень продуманная фальшивка. Она была вырезана из обычного трехслойного стекла. Но это стекло было обработано невиданным образом: поверхность так тщательно замаскирована, что без чистки невозможно было различить настоящий материал. В последней четверти прошлого века уже создавались чудесные стеклянные имитации камней и продавались по очень неплохим ценам, но эта – это высшее мастерство, до которого всем предыдущим очень далеко.

Меня охватили удивление и ужас. Я отложил эту вещь и пошёл домой. Всю ночь я не мог заснуть, все метался в размышлениях о том, как поступить. Позволить камее попасть к кому-то в руки было невозможно. Рано или поздно подделку бы обнаружили, и моя репутация, – к слову, самая высокая среди всех других в этом бизнесе, создаваемая на протяжении вот уже практически пятидесяти лет честного труда и справедливых оценок, – этой безупречной репутации пришёл бы конец. Но даже если отбросить это в сторону, то тот факт, что я взял у лорда Стенуэя пять тысяч фунтов за кусок стекла, окончательно бы меня уничтожил. Так что вернуть деньги было уже вопросом чести. Но как? Новость о камее Стенуэя уже разлетелась по всему свету, и признание в том, что все это оживление было создано на пустом месте, в дребезги разбило бы все мое дело, всю уверенность – прошлую, настоящую и будущую – во мне как в профессионале. Оба этих пути сулили мне крах. Даже если бы я во всем признался лорду Стенуэю лично, вернул ему деньги и уничтожил камее, что тогда? Неожиданное исчезновение такой ценности не смогло бы остаться незамеченным. Она предназначалась в подарок Британскому музею, и если бы камее так и не появилась в его коллекции, и никаких новостей по этому поводу не оглашалось, то люди моментально бы обо всем догадались. Признание в том, что меня обманули, ничем бы не помогло. Моя работа заключается в том, чтобы *вычислять обман*. И дать людям знать, что мой самый дорогой лот – подделка, значит признать, что я жулик, или – и того хуже – просто дурак. Моя гордость, моя репутация знатока антиквариата, – все то, что так близко моему сердцу, – будет самым унижительным образом втоптанно в грязь. И что я мог сделать? Все уловки и ухищрения были бессмысленны, кроме.. кроме одной. Признаюсь, я не был честен, но! Мистер Хьюитт, умерьте свой гнев, и помните, что я никому не причинил вреда. Не важно, кто может попасть под подозрение, потому что нет ни одного свидетельства, которое сможет хоть как-то их опорочить. Весь следующий день – то есть, вчера, – я взволнованно и осторожно вынашивал в своей голове план, – обман (боюсь, именно так вы его назовете), который вы каким-то непостижимым образом раскрыли. Это казалось единственным выходом – действительно, а что еще мне оставалось делать? Все остальное вы и сами знаете. Сейчас мне остается только уповать на вашу

благосклонность и умение ладить с людьми, которое поможет вам убедить лорда Стенуэя не подвергать меня позорному разоблачению. Я сделаю все, что угодно, – заплачу сколько угодно... только не разоблачение! В моем возрасте... в моем положении...

– Ну, – задумчиво ответил Хьюитт, – нет никаких сомнений, что лорд Стенуэй оценит эту ситуацию самым адекватным образом, и, конечно, я сделаю все, что в моих силах, чтобы защитить вас от возможных последствий. Но не стоит забывать, что кое-какой вред вы все же *причинили*: вы навели подозрения как минимум на одного честного человека. Но что касается профессиональной репутации, у меня самого такая имеется. Помогая вам избежать краха, я подвергну сомнению *свой собственный* профессионализм.

– Но бывают же разные дела, мистер Хьюитт. Сами рассудите. Никто не ожидает от вас – это совершенно невозможно – всегда с успехом раскрывать дела. И совсем не много людей вообще знают о том, что вы принимали участие в этом расследовании. Тогда как ваши другие видные успехи...

– Ну-ну-ну, поглядим. Единственное, чего я не знаю, – это вылезли ли вы из окна, чтобы выломать замок на люке или же поднялись через люк на крышу и с помощью лески закрыли щеколду.

– Окна в доступности там нет. Так что, как вы правильно догадались, я использовал леску. Боюсь, моя маленькая хитрость для вас ясна, как день. Я часами обдумывал вопрос с люком: как его взломать, чтобы создать убедительное впечатление и, в особенности, как закрыть щеколду изнутри после того, как я вылезу на крышу. Я думал, что мой план идеален. Каким образом вы его раскрыли – это уже за рамками моего понимания. Для начала, как вам вообще удалось узнать, что камья была подделкой? Вы когда-нибудь ее видели?

– Никогда. А даже если бы и видел, то таким образом не смог бы сделать никаких выводов, ведь я не знаток. На самом деле я *не знал* наверняка, что камья была подделкой. Но зато я знал, что в магазин вломились именно *вы*. Свои выводы я делал, исходя из этого факта. Немного раздумий, и вполне подходящее предположение, что камья ненастоящая. Теория о какой-то дополнительной прибыли была исключена. Уж кому-кому, а вам бы ни за что не удалось перепродать камью Стенуэя, и, к тому же, вы вернули лорду его деньги. Мне было достаточно известно о вашей репутации, чтобы быть уверенным, что вы никогда не учините скандал с невероятной кражей ради того, чтобы оставить камью себе, – ведь вы могли с самого начала ее никому не отдавать, без каких-либо проблем и лишних тайн. Следовательно, мне нужно было найти другой мотив, и вторая идея также показалась невозможной. Зачем бы вам организовывать столько неприятностей да еще и терять пять тысяч фунтов? С этого вы ничего не заработали. Так что, вероятно, вам нужно было что-то сохранить... к примеру, свою профессиональную репутацию. Если рассматривать этот вопрос с такой точки зрения, то становится очевидно, что вы *утаиваете* эту камью. Потому что, снова оказавшись у вас в руках, она больше не увидела свет. А вот эта мысль уже моментально развеяла всю загадку: после продажи вы обнаружили, что камья не подлинная.

– Да, да, понимаю. Но вы сказали, что начали свои размышления с того, что я сам проник в свой магазин. Как вы это узнали? Даже представить себе не могу ни одной улики...

– Мой дорогой сэръ, вы оставили улики повсюду. Во-первых, меня очень заинтересовал тот факт, что вы выслали чек на пять тысяч фунтов лорду Стенуэю всего лишь через час после того, как обнаружили пропажу. Это выглядело так, будто бы вы были абсолютно уверены, что камью уже не вернуть, и пытались как можно скорее отвести от себя подозрения. Конечно, опираясь на свои знания об этом деле в тот момент, я понимал, что вы – самый маловероятный подозреваемый, а ваше желание сразу же возместить лорду убыток – благороднейший поступок, который можно совершить в подобной ситуации. Но этот момент прочно врезался в мою память.

Когда я пришел сюда, мне в глаза бросились десятки подозрительных деталей, но заключающей из них оказалась та старая шляпа, что висела прямо под люком.

– Но я к ней не прикасался. Уверяю вас, мистер Хьюитт, я и пальцем не трогал эту шляпу. Много месяцев она висела...

– Конечно. Если бы вы ее *трогали*, возможно, мне бы так и не удалось сделать никаких выводов. Но к шляпе мы вернемся чуть позже. Это была не первая вещь, привлекавшая мое внимание. Первое, на что упал мой взгляд, – люк в крыше. Подумайте сами: Дверца самым

ненадежным образом крепится на *внешних* шарнирах. У вора был лом, потому что им он отломал щеколду. Но почему бы ему было просто не снять дверцу с шарниров вместо того, чтобы шумно и долго возиться с замком, который был с корнем выдеран из места крепления? И если там орудовал незнакомец, то каким образом он смог сразу и безошибочно определить местоположение щеколды? На раме я нашел лишь одну отметину, и она приходилась именно на то место, где висел замок.

Далее я заметил кожаную шкатулку. Ее не выкидывали, потому что на поверхности не было ни одного следа падения. Значит, коробочку аккуратно положили в то место, где ее обнаружила полиция. Однако все эти вещи оказались не такими важными по сравнению со шляпой. Как вы и сами знаете, этот головной убор был покрыт толстым слоем пыли, которая скапливалась на нем не один месяц. Но вот на верхней ее части, которая выпирает прямо в сторону люка, я нашел несколько *следов от капель дождя*. И тут все встало на свои места. Это были свежие следы, потому что над ними еще не успела собраться новая грязь. Они как раз упали и растворили под собой полоски пыли. *Но вот только после продолжительного ливня, с семи часов прошлого вечера никакого дождя не было*. А по вашему собственному заявлению в это время вы находились в магазине. Вы ушли в восемь, а дождь прекратился в десять или пятнадцать минут восьмого. Люк, как вы мне сказали, не открывался уже много месяцев. Все сразу стало ясно. Вы, или кто-то другой, кто находился в магазине в одно время с вами, открыл люк во время дождя. Я особо не разглагольствовал и после завершения осмотра вашего магазина сразу же отправился в полицейский участок. Там я окончательно убедился, что в ту ночь дождя не было, – в этом меня заверили полицейские, дежурившие в то время прямо напротив. – Теперь я знал все.

Еще одно обстоятельство отлично подтверждало остальные. На кожаной шкатулке не было следов дождя. Ее положили на крышу уже потом, когда распогодилось. Очень плохая идея, смею вас заверить, потому что ни один вор на свете не станет выбрасывать такую полезную вещь, ведь коробка защищает добычу от повреждений, и уж тем более не станет оставлять какую-либо серьезную улику на своем пути. Так же я заметил в вашей кладовке множество упаковочных шкатулок, одна из которых была датирована двумя днями ранее, и которую открывали железной фомкой. Но когда я под каким-то предлогом попросил у вас лом, вы сказали, что таких вещей у себя не держите. Значит, вы просто не хотели, чтобы у меня была возможность сравнить следы от него с отметинами на столе и раме люка. Думаю, это все.

Мистер Кларидж с грустным видом потупился в пол.

– Боюсь, – сказал он, – что я примерил на себя не подходящую роль, когда решил своим умом провести такого человека, как вы. Я думал, что в моем плане нет ни единой уязвимости, но вы сразу прошлись по всем допущенным ошибкам. И почему я даже не задумался об этих каплях дождя?

– Ну что ж вы опять, – улыбаясь, сказал Хьюитт, – звучит не как раскаяние. Сейчас я собираюсь идти к лорду Стенуэю. На вашем месте я бы как-то извинился перед мистером Уоллетом.

Лорд Стенуэй, после нескольких часов размышлений пришедший к выводу о том, что человек, которого он нанял раскрыть это дело, оказался не совсем в своем уме, воспринял историю Хьюитта с вполне понятным изумлением. Некоторое время он пребывал в очень серьезных сомнениях насчет публичного заявления об исходе дела о пропаже камеи, но в конце концов детективу удалось убедить его дать ажиотажу поутихнуть и попытаться забыть обо всем этом, чему в особенности поспособствовало заявление мистера Уоллета о том, что он полностью принял извинения мистера Клариджа.

Что же касается несостоявшегося «грабителя», он понес достаточное наказание в виде потери большой суммы денег и личного унижения за свою эскападу. Но самый тяжелый удар, который ему пришлось пережить, прилетел через два дня после всех событий, когда с широкой улыбкой на лице в его офис явился Хан и потребовал обещанную по договору плату. Агент объяснил, что ему внезапно понадобилось уехать ровно в тот день, когда была назначена их с дилером встреча, и выразил сожаление о том, что своим отсутствием доставил какие-либо неудобства. Ему было невероятно жаль «украденную» камю, но «бизнес ешь бизнес», и чек на согласованную сумму никто не отменял. И несчастному Клариджу пришлось выплатить все до пенни, зная, что тот его надул, но не имея никакой возможности ему об этом сказать.

Объявление о вознаграждении за найденную камею еще долго висело в разных изданиях. На самом деле оно официально не было снято даже еще какое-то время после смерти Клариджа. И несколько интеллигентных газет еще много дней упивались тем фактом, что какое-то простое ограбление в пух и прах разгромило знаменитый ум мистера Мартина Хьюитта, известного частного детектива.